Ирина В. Троцук
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Сколько географического воображения нужно социальной геронтологии (и зачем)?

Рецензия на книгу: Geographical Gerontology: Perspectives, Concepts, Approaches. M.W. Skinner, G.J. Andrews, M.P. Cutchin (eds), London; New York: Routledge, 2018

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-197-211

«Места и пространства —
это одновременно ограничения и потенциал для наших действий;
в свою очередь, наши действия их создают и сохраняют»

[Sacks 1997: 13]

К сожалению, социальная геронтология, по крайней мере в российском социологическом дискурсе, остается весьма маргинальной не только как отдельная научная дисциплина, но и как самостоятельное понятие. С позиций критического дискурс-анализа Н. Фэйркло [см., например, Fairclough 1992; 1993] это свидетельствует о серьезных проблемах не только в дискурсивных практиках, но и в поведенческих паттернах российского общества по отношению к пожилым поколениям. Вряд ли для понимания сути этих проблем человеку нужны специальные знания или особая социологическая компетентность — повседневность постоянно снабжает нас

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru
Irina V. Trotsuk — Dsc (Sociology), Professor, Sociology Chair, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

свидетельствами того, что старость в нашем обществе воспринимается как период исчерпанности жизненных сил, пора угасания, время дожития и т. д., а не особый биографический этап, сопряженный с радикальным изменением обыденных практик.

Пожилые люди (в очень широком смысле, например, нередко возрастные ограничения в объявлениях работодателей дискриминируют как, видимо, «уже отработавших/отживших свое», даже людей старше 45 лет) реально и дискурсивно вытесняются если не на периферию общественной жизни, то из социально престижных сфер. Осознание и принятие подобных изоляционистски-дискриминационных правил и практик заставляет представителей геронтологической группы отказываться от самореализации в частной и публичной сферах, сворачивать свою профессиональную и досуговую активность, тем самым ускоряя и усугубляя и без того превалирующие в российском обществе процессы патологического старения.

Способствует подобной патологизации и социальной эксклюзии старости и ориентация государства (официального и медийного дискурсов) на обсуждение геронтологических вопросов исключительно в двух форматах. Во-первых, в контексте оказания социальной помощи, которая в российском обществе весьма специфична, неэффективна для решения задач ресоциализации и адаптации к новой жизненной ситуации и неудовлетворительна с точки зрения предоставляемой финансовой помощи. Государство и общество предпочитают отгородиться от проблем пожилых людей специализированным институтом социальной поддержки, а не развивать механизмы и практики межпоколенческого взаимодействия и минимизации негативных проявлений и последствий эйджизма. Во-вторых, посредством воспроизводства и подкрепления устойчивых биомедикализированных социальных стереотипизаций [Краснова, Лидерс 2002; Левинсон 2011; Старикова 2010; Старикова 2011] конструируется доминирующая негативизирующая трактовка старости как процесса доживания и угасания, образ преклонного возраста оказывается дисфункциональным с биомедицинских позиций (социальная эксклюзия пожилых дискурсивно легитимируется определением старости как особой неизбежной и неизлечимой болезни) [Смолькин 2007].

Формально в биомедикалистской трактовке старости самой по себе нет ничего дискримирующего — именно медикализация во многом обусловила социальный статус старости (патерналистскую социальную политику современного государства по отношению к пожилым людям), а геронтология как научная дисциплина долгое время развивалась в рамках медицины [Morley 2004]. Проблема в том, что чрезмерная биомедикализация позднего возраста обусловила распространение и устойчивость негативных стереоти-

пизаций старости и восприятие любых действий и решений пожилого человека как симптомов старения [Хрисанфова 1999; Bowd 2003; Powell, Longino 2002]. И хотя российская геронтология следовала в русле общемировых тенденций, развиваясь первоначально как раздел медико-биологической науки, изучающий явления старения в рамках гериатрии, герогигиены и геронтопсихологии [Давыдовский 1966; Основы геронтологии 1969], в отличие от зарубежной традиции в отечественной геронтологии до сих пор акцент делается на медицинских аспектах старения.

Третьим фактором, затрудняющим становление социально-геронтологического дискурса в российском обществе в целом и в отечественной социологии в частности, является то, что пожилые поколения формируют своеобразное «слепое пятно» социологических исследований, выступая преимущественно лишь в качестве демографической группы с особыми предпочтениями, возможностями и жизненными практиками Это тем более странно, что понятие «поколение» — многозначный термин, в котором сосуществует множество самостоятельных значений, включая однородную по возрасту группу сверстников (реальное поколение или когорта) и условное символическое единство (номинальная группа, выделяемая на основе общности социальных условий становления, жизненного опыта, социальных ролей, доминирующих социально-психологических черт и т. д.) [Гаврилюк, Трикоз 2002; Дубин 2005; Лисовский 2002].

Декларативно предмет поколенческого анализа — все «возрастные группы как агенты социального изменения, ...источники их оппозиции внутри существующего общества и развитие отношений между ними» [Социологический словарь 2000: 170], и формально статус всех поколений с исследовательской точки зрения одинаков, однако реально в фокусе социологического анализа оказывается преимущественно молодежь и/или люди трудоспособного возраста (им посвящено большинство эмпирических исследований, статей в социологической периодике и примеров в учебных пособиях, сборниках и монографиях).

Книга «Географическая геронтология: перспективы, понятия, подходы» важна для всех интересующихся социальной геронтологией, поскольку наглядно показывает, насколько западный научный дискурс опередил отечественную социально-геронтологическую традицию с точки зрения не просто доминирования социокультурной интерпретации старости, но и обнаружения внутри данной трактовки новых и значимых для анализа «измерений».

Понятие «географическая геронтология» используется в книге не как метафора пространственного многообразия проявлений старости и ее воздействий на локальные сообщества и социально-эко-

номические процессы, а как название новой дисциплины и особой междисциплинарной предметной области. Статьи географов и геронтологов из Австралии, Канады, Англии, Гонконга, Ирландии, Новой Зеландии, Шотландии и США призваны продемонстрировать широту и глубину географического подхода к изучению старения и жизненного мира пожилых поколений, для чего 25 глав книги в объединены в пять неравнозначных по объему тематических разделов, раскрывающих:

1) основные теоретические концепции и логику развития данного дисциплинарного направления, возраст которого составляет уже четыре десятилетия;
2) истоки междисциплинарных заимствований географической геронтологии (демографическая география, социальная география, культурная география, география здоровья, городские и экологические исследования);
3) вариативность уровней географически-геронтологических изысканий — от глобальных международных проектов до небольших кейс-стади (например, макроуровень представлен оценками причин сосредоточения проблем глобального старения в странах Мирового Юга с низкими и средними доходами, различий старения в городах и в сельской местности, а микроуровень — особенностей старения в местных сообществах и домохозяйствах);
4) тематические приоритеты географической геронтологии (пространства и ландшафты старения, проблемы мобильности и миграции, форматы инклюзии и механизмы эксклюзии, возможности и масштабы сопротивления социальным императивам старения и навязываемой заботы);
5) дискуссионные вопросы и взаимосвязанные направления будущего развития географии и геронтологии.

Книга содержательно очень насыщена, предлагает множество конкретных примеров и снабжена внушительным библиографическим аппаратом (в некоторых главах объем библиографии не уступает тексту, т. е. составляющие книгу статьи выполняют роль реферативных обзоров по отдельным тематикам географической и социальной геронтологии), поэтому по формату данная рецензия представляет собой краткий путеводитель для читателя.

Книга начинается с введения, объясняющего, почему «старение стало основным нарративом XXI века»: прежде всего это обусловлено повсеместным ростом продолжительности жизни. Все государства сегодня состоят из беспрецедентного для прежних эпох количества пожилых людей, что изменяет общество в целом, а также экономические и экологические системы на всех уровнях — от локального до глобального. Редакторы признают, что не являются первопроход-

цами в изучении пространственного измерения старения, но книга — первая попытка систематизировать последствия так называемого «пространственного поворота», т. е. теоретико-методологические основания, категориальный аппарат и тематические приоритеты социальной геронтологии как географической дисциплины[1].

В первой, теоретико-методологической, части книги охарактеризована роль пространства и местоположения в географической геронтологии, обусловленная множеством очевидных причин: пожилые люди не могут столь же легко и спокойно перемещаться по своему району и городу/селу, как в молодости; они продолжают ценить и любить свой дом; часто хотят переехать на пенсии; наслаждаются общением с природой и проведением досуга вне дома; продолжают любить свой родной маленький город и отказываются переезжать поближе к детям; создают крепкие сети взаимоотношений с другими пенсионерами в разных «пространствах» (реальных и цифровых); путешествуют со своими внуками и детьми и т. д. Местожительство и географические перемещения представлены в книге как важный фактор счастливой старости.

Для изучения этой многослойной роли пространства в жизни старших поколений географическая геронтология предлагает использовать разные подходы, включая политическую экономию (государственный или рыночный механизм предоставления благ и услуг, шансы на равное распределение ограниченных ресурсов, сочетание традиционного марксизма с постструктурализмом для критической оценки неолиберализма и глобализации и т. д.), гуманистический подход (акцент на способах пространственной реализации личного биографического опыта, ценностей, субъективности и агентности), социальный конструктивизм (как идентичность конструируется через привязанность к месту, как «очеловеченное» пространство перестает быть лишь объективной функцией и точкой на карте и превращается в способ репрезентации пожилых людей, как сами пожилые люди, в свою очередь, репрезентируют определенное «место», как местожительство становится ареной борьбы за «свое» пространство и способом выражения властных отношений и т. д.) и другие концепции, позволяющие увидеть типологические пространственные паттерны старения и связанные с ними явления.

1 Следует признать, что постоянное подчеркивание географической специфики геронтологии выглядит чрезмерным «преумножением сущностей», поскольку можно говорить о кросс-культурных исследованиях, сравнительном анализе и проч., прекрасно обходясь без прилагательного «географический».

В частности, географических геронтологов интересует пространственно-временная концентрация старших поколений (демографические и миграционные исследования на национальном и международном уровне), а также распределение услуг, предоставляемых только или специально для пожилых людей или используемых исключительно ими, с точки зрения детерминирующих его индивидуальных, социальных, экономических и политических практик.

В «пространственно-демографическом подходе исследователи надеются рассмотреть старение населения через его масштабы, расстояния и запросы, чтобы представить эти данные официальным лицам; в политико-экономическом подходе — артикулировать неравенства и противоречия таким образом, чтобы обеспечить более равномерное распределение ограниченных ресурсов; в гуманистическом подходе — увидеть надежды и опасения пожилых людей и изменить их жизненную ситуацию, сделав чувства пожилых достоянием общественности; в социальном конструктивизме — понять радости и горести пожилых, воплощенные в местах их жизни, и изменить социально-пространственно обусловленные идентичности и жизненный опыт пожилых» [p. 21-22]. Безусловно, приведенный здесь и представленный в книге список подходов географической геронтологии далеко не исчерпывающий, но он показывает, сколь вариативны исследовательские возможности и интересы данного дисциплинарного направления, особенно в эмпирических проектах.

Вторая часть книги фокусируется на «географии здоровья», предлагая сместить акцент с его биомедицинской трактовки как отсутствия заболеваний на более целостное социально-экологическое понимание старения и здоровья в социальном, физическом (географическое пространство и телесность) и символическом контекстах, обращаясь к трем ключевым темам: неравенство географических возможностей здорового старения; географические особенности старения, связанные со здоровьем; ландшафты и места заботы (включая социальные услуги для пожилых).

Так, пространственная дифференциация старения и здоровья требует оценки различий распределения пожилых поколений на глобальном, региональном и поселенческом уровне, обусловленных масштабами заболеваний и социально-технологическими условиями, которые гарантируют определенное качество жизни в старости. Основная исследовательская проблема здесь — получение надежных социально-экономических данных о пожилых, поскольку сведения собираются преимущественно о молодых поколениях, а старость рассматривается сквозь призму биомедицинских и демографических показателей (уровня смертности и заболеваемости), а также грамотное сочетание количественных данных, многоуровневого моделирования и качественного подхода.

Географические особенности здоровья пожилых рассматриваются через специфику их пространственного размещения и миграции: традиционными паттернами мобильности в пенсионном возрасте считаются переезды «молодых пожилых» в курортные зоны, тогда как «старые пожилые» часто возвращаются в родные места, чтобы жить поближе к родным. Однако эти паттерны могут меняться под влиянием негативных и позитивных факторов, связанных с финансовыми возможностями, качеством жилья, гендерными отношениями, супружеским и родительским статусом, профессиональной занятостью, новыми коммуникационными возможностями постоянного общения даже на больших расстояниях, эмоциональной привязанностью к соседству и месту жительства, сетями дружеских и родственных отношений и др.

Подход критической географии показывает, что по всем перечисленным параметрам пожилые люди часто сталкиваются со стигматизацией и попытками дискурсивной «гомогенизации» пожилых поколений как якобы внутренне недифференцированной группы, состоящей из пассивных, зависимых, хрупких и болезненных людей, не имеющих права голоса и являющихся лишь объектом медико-социальной заботы.

Вклад географической геронтологии не сводится к указаниям на рост доли пожилых в структуре населения всех стран мира, на формирование новых пространственных конфигураций старения с крайне размытыми границами, на влияние неолиберальных ценностей независимости, мобильности и экспериментирования с собственной жизнью на дискурсивное конструирование старения как активного, продуктивного и успешного периода жизни, на изменение широко распространенных и «эндемичных» для повседневных практик стереотипизаций старости и т. п.

Географическая геронтология изучает социокультурные особенности старения, связанные с понятием социального капитала и отслеживаемые по четырем основным направлениям: микроуровневые воздействия сообществ на телесные практики (косметическая хирургия, предпочтения в одежде и выборе причесок и др.); гендерная специфика старения (влияние феминизма, особенности мужского образа жизни на пенсии, эйджизм и т. д.); межпоколенческие характеристики старения и образа жизни (прежде всего смена социальных и внутрисемейных ролей); влияние урбанизации и городского/сельского образа жизни на качество жизни пожилых.

Во второй части книги приводятся многочисленные теоретические и эмпирические подтверждения того, что в отличие от «негеографического подхода, в котором изучение пожилых поколений (например, влияния на них системы здравоохранения) часто имеет одни и те же характеристики независимо от места/страны про-

ведения исследования, ... географический подход утверждает, что место проживания имеет важное аналитическое значение, поскольку глобальные и локальные его особенности определяют проблемы и поведение пожилых, их семей, друзей, волонтеров, сотрудников соответствующих служб и тех, кто принимает решения» [p. 57].

Соответственно можно проводить географически-геронтологические исследования в формате международных (глобальные тенденции старения и урбанизации, но серьезные различия между развитыми и развивающими странами в долях, принципах расселения и миграции пожилых), внутристрановых и межрегиональных сопоставлений типов старения с демографической, социально-экономической, этносоциальной, миграционной, гендерной, социально-инфраструктурной[1] и иных точек зрения, рассматривая пожилые поколения отдельно — как особую когорту — или же в их взаимодействии и зависимости от численности, ценностей и поведенческих паттернов молодых поколений. «Сочетание цифровизации, эмпирических наблюдений (за тем, как люди обживают пространство) и “больших данных” позволяет создать удивительный методологический инструмент для будущего проектирования и планирования городских районов как “дружественной среды для пожилых”... с точки зрения жилищных условий, затрачиваемых на жизнь усилий и инфраструктуры предоставляемых услуг» [p. 77].

В третьей части книги рассмотрены разные географические аспекты глобального старения, которые необходимо учитывать в исследовании образа и качества жизни геронтологической группы, чтобы избежать ее унифицирующей дискурсивной стигматизации как слабой и наиболее подверженной рискам. К таким аспектам отнесены:

- разнообразие проявлений и последствий глобального старения: например, к 2050 году 1,67 млрд людей старше 60 лет из общего их числа в 2 млрд будут проживать в «менее развитых» регионах мира — в Азии, Индии и Латинской Америке, т. е. проблемы глобального старения постепенно смещаются с Глобального Севера на Глобальный Юг, поскольку причина глобального старения не только в увеличении продолжитель-

1 Для российского общества совершенно нехарактерно не только планирование и строительство особых городских и сельских районов, предназначенных для проживания пожилых людей, но и просто учет особых потребностей и запросов стареющего человека к организации его жизненного пространства. Только в последние несколько лет в рамках общегосударственной декларативной ориентации на социальную инклюзию началась локальная борьба за создание безбарьерной среды, но в первую очередь не для пожилых, а для людей с ограниченными возможностями.

ности жизни благодаря социально-экономическому развитию, но и в сокращении рождаемости;
- влияние глобального старения на поведение пожилых и окружающих их людей в чрезвычайных ситуациях в разных регионах мира: в подобных случаях пожилые люди подвергаются большему риску, чем молодые поколения, по причине как объективных физиологических трудностей и ограниченного доступа к информации, так и социальной «невидимости» для соответствующих гуманитарных программ;
- воздействие глобальных климатических изменений на здоровье пожилых, например, они хуже переносят колебания температур и сильную жару, в целом их физиологическое и психологическое здоровье более подвержено прямому и косвенному влиянию погодных и климатических факторов, особенно в условиях социальной изоляции и эксклюзии;
- воздействие на паттерны старения ряда социально-технологических тенденций, которые способствуют более высокой мобильности и более интенсивной коммуникации пожилых, что особенно важно для нынешней городской среды.

В книге обозначены и особенности нынешнего сельского старения, которое в целом продолжает считаться чем-то принципиально отличным от городского старения. В качестве характерных черт сельского старения в книге названы, в частности, более выраженное взаимное влияние природной среды и пожилых поколений (например, сельские пенсионеры играют жизненно важную роль в поддержании сельской социальной инфраструктуры посредством добровольного неоплачиваемого труда) и более быстрые темпы изменений сельского контекста старения по сравнению с городскими сообществами (под влиянием субурбанизации, реструктуризации аграрного производства, новых информационных и коммуникационных технологий и т. д.). Авторы предлагают отказаться от трактовки села как набора демографических, географических и поселенческих характеристик, противопоставленных городу, в пользу социокультурного понимания сельского образа жизни как особого сочетания норм, ценностей и установок, определяющих образ и качество жизни пожилых поколений.

Речь должна идти не столько о традиционных различиях города и села, сколько о влиянии факторов макро- и микроуровня на местные сообщества в социокультурных контекстах, различающихся уровнем урбанизированности. Соответственно, «географическая геронтология играет важную роль в понимании взаимосвязи изменений на макроуровне, т. е. под влиянием глобализации, с жизнью локальных и соседских сообществ… С одной стороны, мы наблюдаем все больше свидетельств того, как люди выбирают места житель-

ства, подходящие под их образ жизни в старости (поэтому пространственные характеристики создают и поддерживают разные стили старения), ... с другой стороны, именно пространственные особенности могут способствовать социальной эксклюзии пожилых... Задача географической геронтологии — критический пространственный анализ [в духе критического дискурс-анализа]» [p. 132–133].

Четвертая часть книги суммирует основные тематики географически-геронтологических исследований:

- оценка того, насколько нынешние места проживания (дома, квартиры, соседства, городские районы и т. д.) соответствуют самоидентичности, образу жизни и объективным возможностям пожилых людей как с точки зрения их собственного субъективного восприятия, так и внешними наблюдателями — исследователями и политиками (как правило, в подобных проектах делается вывод об эмоциональной привязанности пожилых к своему пространственному и социальному окружению, которая препятствует их мобильности в целом и переезду на новое место жительства в частности);
- изучение старения в определенном месте как адаптационной стратегии пожилых, не желающих переезжать в казенные дома заботы даже в том случае, если им объективно (по причине физической слабости или когнитивных расстройств) необходима постоянная помощь (такие проекты подтверждают, что конкретная социальная среда может помочь пожилым людям вести самостоятельный образ жизни как можно дольше, однако любые их решения имеют последствия для распределения ответственности за их жизнь и социальное благополучие между членами семьи, государственными институтами и коммерческими структурами);
- оценка того, насколько меры государственной социальной поддержки эффективны в плане соотношения их стоимости и реальной помощи пожилым людям в конкретных поселенческих условиях.

Для объяснения выбора/смены места жительства пожилыми в книге предлагается два подхода — «уехать от» и «уехать для» (а также их сочетание). Поведенческая модель рассматривает такой выбор как результат действия факторов «выталкивания» (вдовство, серьезное заболевание, утрата источников дохода, неблагоприятные изменения окружающей инфраструктуры) и факторов «притяжения» (более привлекательные условия с социально-экономической, медицинской и досуговой точек зрения) с учетом влияния уровня доходов и состояния здоровья человека. Согласно модели развития, смена места жительства в пожилом возрасте может быть обусловлена тремя типами событий: выходом на пенсию (человек ищет но-

вые способы проведения досуга или перебирается поближе к семье и друзьям), хроническими заболеваниями, затрудняющими совершение простых повседневных действий (покупки, приготовление еды, уборку дома и пр.), или серьезными физическими/когнитивными нарушениями, которые заставляют человека находиться под постоянным наблюдением. Очевидно, что эти три типа событий хронологически последовательны, однако ни одно из них не является прямой и непосредственной причиной для смены места жительства в преклонном возрасте.

Часто пожилые люди, невзирая на личные жизненные неурядицы и серьезные объективные проблемы в районах своего проживания, категорически отказываются переезжать и предпочитают стареть там, где привыкли жить, даже если имеют возможность избежать множества связанных с текущим местом жительства проблем и выбрать один из множества подходящих вариантов для переезда. Причины подобного решения обычно имеют эмоциональный характер. Пожилые люди привыкают к определенному окружению и чувствуют себя в нем субъективно комфортно (им нравится климат, свой палисадник, религиозная община, местные рестораны и магазины и т. д.). Иногда конкретное местожительство позволяет им контролировать собственную жизнь (быть самостоятельными, вести «нормальный» образ жизни) даже в случае серьезных нарушений здоровья, потому что здесь создана доступная и комфортная среда (возможен и идеальный случай совпадения двух мотивов).

Впрочем, чтобы картина не выглядела слишком позитивной, следует помнить и о том, что пожилые люди могут упрямо и неаргументированно отказываться от переезда даже в случае наличия всех объективно выталкивающих факторов и отсутствия каких бы то ни было субъективно удерживающих факторов, поэтому «нынешняя миграционная модель не может адекватно объяснить, почему пожилые люди принимают те или иные решения о месте собственного старения» [с.198]. Теория «нормализации места жительства» частично решает эту проблему, утверждая, что, во-первых, у пожилых могут быть одновременно позитивные и негативные чувства относительно своего местожительства, поэтому решения они принимают, сопоставляя два относительно независимых эмоциональных мотива — чувство комфорта и чувство контроля; во-вторых, решение о старении на том же месте или переезде зависит не только от оценки нынешнего местожительства, но и от осознания собственного репертуара возможностей адаптации к новому образу жизни.

Не менее важна в принятии решения о переезде и самоидентификация пожилого человека — результат биографического опыта жизни в определенном географическом (геология, почва, климат, погода, флора и фауна) и социокультурном окружении (тип поселения,

стиль застройки, окружающие социальные группы). Ведь «по мере взросления мы обретаем все большую способность ощущать себя “на месте” и “как дома” благодаря привычному ритму и рутине повседневного использования жилья и накоплению смыслов событий, связанных с ним и окружающей обстановкой. Мы ищем и обретаем все лучшую способность целенаправленно гармонизировать нашу самоидентификацию (чувственную, нарративную, историческую, духовную, идеологическую, вещную и материальную зависимость) с конкретным пространством и идентификацией того места, в котором мы живем [в духе гоффмановской драматургической аналогии, «срастаясь» со своей «маской» и со «сценой»]» [p. 207].

В заключительной части книги перечислены основные дискуссионные моменты в подходах и категориальном аппарате географической геронтологии, неизбежные с учетом ее междисциплинарных оснований и переплетения множества концептуальных наработок в используемом ею понятии «пространство/пространственность старения». Эти дискуссионные моменты объединены в шесть взаимосвязанных тематических блоков:

- возраст как основной фактор в междисциплинарных исследованиях (старение и преклонный возраст как легитимные переменные поколенческого анализа);
- разные уровни пространственного изучения личностно-средового взаимодействия (от глобального до локального, от социального до личностного, от макро- до микроуровня, включая переходные уровни);
- система взаимоотношений пространства и конкретного места в нем в темпоральном и эмоциональном контекстах (возможны разные подходы — от философского до архитектурного, но географический акцент остается центральным при условии признания социального конструирования пространства и основополагающей роли властных отношений в формировании природного и социального ландшафта и зыбких границ между пространством и конкретным местом);
- методологическая рефлексия и методологическая гибкость (использование постмодернистских подходов, сочетание количественного и качественного подходов, междисциплинарный дизайн исследований, постоянный сбор «больших данных» в развитых и развивающихся странах и т. д.);
- оценка возможностей теоретических заимствований из смежных дисциплин и потенциала географического подхода для решения их традиционных задач;
- обсуждение географически-геронтологических проблем не только учеными (на научных мероприятиях, в ходе исследований и в преподавании), но и управленцами всех уровней

при принятии решений в сфере здравоохранения, жилищного строительства, проектирования транспортной и досуговой инфраструктуры, финансового обеспечения и т. д. — для развития комфортных и доброжелательных ко всем возрастам городов и сообществ.

«Ключевая особенность географически-геронтологического воображения/способа мышления состоит в том, что оно, аналогично зумобъективу фотоаппарата, позволяет все детальнее и четче рассмотреть любую проблему, различая в ней разные аспекты и процессы, характерные для старения, преклонного возраста и пожилых поколений. Географические геронтологи понимают, что такая калибровка аналитической оптики (от тела человека до земного шара) позволяет одновременно формулировать фундаментальные вопросы, обосновывать методологию исследования и делать убедительные выводы... Географическая геронтология прекрасна отчасти именно открытостью новым задачам, понятиям и подходам к пониманию и решению неоднозначных и важных проблем старения. Чувствительность и внимание к разнообразию и сложности человеческих характеров и мест проживания, а также к идеям для их понимания — отличительные признаки географически-геронтологического воображения» [p. 315–316].

Взяв рецензируемую книгу в руки, читатель должен быть готов к тому, что это весьма разрозненный сборник статей. Даже в рамках тематических разделов не происходит постепенного перехода от теории к практике, от систематизации концептуальных и методологических оснований изучения какой-то темы географической геронтологии к конкретным эмпирическим исследованиям или кейсам из практической политики или социальных реалий отдельных стран (хотя последние главы четвертой части книги представляют собой конкретизацию ранее тезисно или теоретически рассмотренных вопросов).

В этой связи книга может несколько раздражать не только откровенной гиперболизацией объяснительного потенциала «географии» (ее слишком некритичной и чрезмерно обобщенной трактовкой), но и повторами, постоянными возвращениями к тому, что ранее уже было описано и объяснено, а также скачками с макро- на микроуровень и обратно. Например, как только читатель настроится на эмпирическую конкретику по отдельным аспектам социального старения, он вновь наталкивается на абстрактные рассуждения о влиянии местных сообществ и соседств, об особой роли дома в жизни пожилых или о важности анализа телесности и эмоциональности через географически-геронтологическую «оптику».

Тем не менее книга будет крайне полезна и тем, кто профессионально интересуется вопросами социальной геронтологии, и тем, кто хочет увидеть одновременно поразительное многообразие на-

шего мира (даже сквозь призму особенностей жизни только одного его пожилого поколения) и удивительную схожесть тех проблем, с которыми всем нам придется столкнуться в старости независимо от того, в какой именно точке физического, политико-экономического и социокультурного пространства мы окажемся на склоне лет.

Библиография / References

Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. (2002) Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход). *Социологические исследования*, 1.

— Gavrilyuk V.V., Trikoz N.A. (2002) The Dynamics of Value Orientations in the Period of Social Transformation (Generational Approach). *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 1. — in Russ.

Давыдовский И.В. (1966) *Геронтология*, М.: Медицина.

— Davydovsky I.V. (1966) *Gerontology*, Moscow: Meditsina. — in Russ.

Дубин Б.В. (2005) Поколение: смысл и границы понятия. *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России*. Ю. Левада, Т. Шанин (сост.), М.: НЛО.

— Dubin B.V. (2005) Generation: the meaning and limits of the concept. *Ottsy i deti: Pokolenchesky analiz sovremennoy Rossii [Fathers and Sons: Generational Analysis of Contemporary Russia]*. Yu. Levada, T. Shanin (Sost.), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. — in Russ.

Краснова О.В., Лидерс А.Г. (2002) *Социальная психология старения*, М.: Академия.

— Krasnova O.V., Liders A.G. (2002) *Social Psychology of Aging*, Moscow: Akademiya. — in Russ.

Левинсон А. (2011) Сократ и лира. «Новые старики» и старая реальность в России. *В памяти и добром здравии. Старшее поколение, общество и политика*, М.: Весь мир.

— Levinson A. (2011) Socrates and lira. "New old people" and the old reality in Russia. *V pamyati i dobrom zdravii. Starshee pokolenie, obshchestvo i politika [In Memory and Good Health. The Older Generation, Society and Policy]*, Moscow: Ves mir. — in Russ.

Лисовский В.Т. (2002) «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях. *Социологические исследования*, 7.

— Lisovsky V.T. (2002) "Fathers" and "sons": For the dialogue in relationships. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 7. — in Russ.

Основы геронтологии (1969) Д.Ф. Чеботарева, Н.Б. Маньковского, В.В. Фролькиса (ред.), М.: Медицина.

— *Foundations of Gerontology* (1969). D.F. Chebotarev, N.B. Mankovsky, V.V. Frolkis (eds), Moscow: Meditsina. — in Russ.

Смолькин А.А. (2007) Медицинский дискурс в конструировании образа старости, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 10 (2).

— Smolkin A.A. (2007) Medical discourse in constructing the image of old age. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 10 (2). — in Russ.

Старикова М.М. (2011) Стереотипы старости и старения. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* Серия: Социальные науки, 2.

— Starikova M.M. (2011) Stereotypes of old age and aging. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences],* 2. — in Russ.

Старикова М.М. (2010) Конструирование образа пожилого человека в материалах российской прессы. *Вестник ВГГУ,* 3.

— Starikova M.M. (2010) The image of an elderly person presented in the Russian press. *Vestnik VGGU [Bulletin of VGGU], 3.* — in Russ.

Хрисанфова Е.Н. (1999) *Основы геронтологии (антропологические аспекты)*, М.: ВЛАДОС.

— Khrisanfova E.N. (1999) *Foundations of Gerontology (Anthropological Aspects)*, Moscow: VLADOS. — in Russ.

Bowd A.D. (2003) Stereotypes of elderly persons in narrative jokes. *Research on Aging,* 25 (1).

Fairclough N. (1992) Discourse and text: Linguistic intertextual analysis within discourse analysis, *Discourse and Society,* 3 (2).

Fairclough N. (1993) Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities. *Discourse & Society*, 4 (2).

Morley J.E. (2004) A brief history of Geriatrics. *Journals of Gerontology: Medical Sciences,* 59.

Powell J.L., Longino Ch.F. (2002) Postmodernism versus modernism: Rethinking theoretical tensions in social gerontology. *Journal of Aging and Identity,* 7 (4).

Sack R.D. (1997) *Homo Geographicus: A Framework for Action, Awareness, and Moral Concern*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Рекомендация для цитирования:

Троцук И.В. (2019) Сколько географического воображения нужно социальной геронтологии (и зачем)? Рецензия на книгу: Geographical Gerontology: Perspectives, Concepts, Approaches. M.W. Skinner, G.J. Andrews, M.P. Cutchin (eds), London; New York: Routledge, 2018. *Социология власти*, 31 (1): 197-211.

For citations:

Trotsuk I.V. (2019) How much geographical imagination does social gerontology need (and why)? Book Review: Geographical Gerontology: Perspectives, Concepts, Approaches. M.W. Skinner, G.J. Andrews, M.P. Cutchin (eds), London; New York: Routledge, 2018. *Sociology of Power*, 31 (1): 197-211.

Поступила в редакцию: 25.01.2019; принята в печать: 11.02.2019

Received: 25.01.2019; Accepted for publication: 11.02.2019